

ГИБКИЕ ЭТНИЧНОСТИ

Этнические процессы
в Петрозаводске и Карелии
в 2010-е годы

Коллектив авторов Гибкие этничности. Этнические процессы в Петрозаводске и Карелии в 2010-е годы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41345061

*Гибкие этничности: Этнические процессы в Петрозаводске и Карелии
в 2010-е годы. / Сборник статей: Нестор-История; Санкт-Петербург;*

2017

ISBN 978-5-4469-1117-2

Аннотация

Сборник «Гибкие этничности» подготовлен совместно исследователями университета Восточной Финляндии и Карельского научного центра Российской академии наук. Финские и российские ученые уже давно занимаются изучением традиционной культуры и советского периода истории Карелии. В данной книге впервые затронуты аспекты идентичностей, в частности карельской идентичности, а также современности Республики Карелии в 2010-е годы. Под «гибкими этничностями» мы подразумеваем использование различных культурных ресурсов для создания этнических идентичностей, в

результате чего идентичности всегда подвижны и множественны. Это касается прежде всего меньшинств Карелии, например карелов, идентичности которых формируются ситуативно на пересечении различных национальных и этнических ландшафтов. В книге рассматриваются процессы создания идентичностей на низовом уровне, в рамках семьи, культурной деятельности, а также в административных практиках – и в их взаимовлиянии.

Содержание

Предисловие	7
Республика Карелия	9
Закрытие «Молодой Карелии»	17
Национальности в России в процессе перемен	20
Стремление к деполитизации этничности	24
Самоценность идентичности	31
Динамика развития культуры	35
Общественный выбор	40
Стремление к развитию этничности и привлечению людей к участию в процессе	42
Литература	46
Этничность приграничных территорий	52
Дискуссии о финскости и финском языке в Республике Карелия	52
Введение	52
Финскость в Республике Карелия	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Сборник статей
Гибкие этничности:
Этнические процессы
в Петрозаводске и
Карелии в 2010-е годы**

Редакторы:

Пекка Суутари и Ольга Давыдова-Менге

Предисловие

Пекка Суутари, Ольга Давыдова-Менге

Как правило, в исследованиях этничности рассматривается выделение меньшинства из доминирующей культуры, а также специфические черты этнического сообщества и культуры. В настоящей книге основное внимание уделяется множественной идентичности, то есть параллельному сосуществованию двух или нескольких этнических идентичностей, и тому, как характерные черты русской, карельской, финской или другой этничности переплетаются в повседневной жизни или находят свое место в форме национальной репрезентации и культурной деятельности в многокультурной городской среде.

Анализ этничностей в российской Карелии проводился совместными усилиями российских и финляндских ученых в рамках многолетнего исследовательского проекта. Задача исследования состояла в том, чтобы вместе осветить темы, релевантные как для международного научного сообщества, так и для местных жителей и общества в целом. Наряду с этическими вопросами при определении научных подходов необходимо учитывать также и особые политические условия в российской Карелии как объекте исследования. Сотрудничество между исследователями осуществлялось с

2007 года в форме семинаров, организуемых два раза в год, обмена научными работниками между Йоэнсуу и Петрозаводском, а также использования совместных методов сбора материалов.

Республика Карелия

Карелия – важная тема как для финнов, так и для россиян. Республика Карелия – это своеобразный и привлекательный регион на Северо-Западе России, в Финляндии же соседство с Карелией способствует пробуждению интереса к восточно-финляндской идентичности. Интерес этот объясняется самобытным характером языка и фольклора, сформировавшихся на общей основе в Восточной Финляндии и российской Карелии. Наиболее ярко это проявляется в «Калевале» – мире мифов, заклинаний и лирических рун, который оказывает огромное эмоциональное воздействие на жителей всех уголков мира. «Калевала» – это не просто книга, а сплав музыкального, языкового и культурного наследия, которое и по сей день живо как в российской Карелии, так и в Восточной Финляндии. Общая в основе национальная культура, а также карельский язык будут и в дальнейшем способствовать укреплению идентичности, культурной деятельности и туристической ценности этих регионов.

История национальностей Республики Карелия является ярким примером того, как в XX веке в России и Советском Союзе велось управление национальными и языковыми процессами. Политика коренизации, проводившаяся в Советском государстве до 1938 года в отношении национальных меньшинств, сыграла важную роль в формировании «наци-

онального облика» Советской Карелии. Со дня основания на ее территории в качестве национального языка использовался язык, не являющийся языком ее коренного населения. Финский язык должен был стать литературным языком всего национального населения – карел, вепсов и финнов, а также служить языком социалистической национальной культуры. История Республики Карелия как самостоятельной административно-территориальной единицы началась в 1920 году с образования Карельской трудовой коммуны и затем Карельской Автономной Советской Социалистической Республики (КАССР). Главной задачей этого национально-территориального образования было поднятие местного этнического населения до более высокого национального уровня и создание базы для объединения с Финляндией после того, как в последней произойдет социалистическая революция. На практике это означало поэтапную финнизацию национального населения, прежде всего карел (см. Brown 2004, Hirsch 2005, Kangaspuro 2000). КАССР была создана при содействии финских политических эмигрантов, и в этой работе на начальном этапе участвовали финны, переселившиеся туда по разным причинам из Финляндии и Северной Америки. Их численность на территории России в середине 1930-х годов составляла не менее 32 тысяч человек (Такала 1998; 2010: 25, 28).

Финский язык служил языком культуры и просвещения для карел и финнов, а диалекты карельского языка – разго-

ворным языком карельского населения. Достижениями этапа «финской карелизации» можно считать создание системы образования на финском языке от начальной школы до вузов и создание культурных институтов, среди которых – финноязычные газеты и журналы, театр, литература, музыка, изобразительное искусство и т. п. В эту деятельность было широко вовлечено также и карельское население, выходцы из которого дополнили круги непрофессиональных и профессиональных журналистов, актеров, писателей и музыкантов. В течение короткого времени в Карелии была создана живая финноязычная культура (Такала 2010:28–37; Суутари 2009; Юликангас 2009). Как и в других уголках Советского Союза, советизация населения происходила через национализацию (коренизацию): люди учились осознавать свою национальность, а также действовать в качестве ее представителей (Brown 2004). Первый этап коренизации в Карелии – финская карелизация – продолжался до 1938 года, когда многие финны, проживавшие в Карелии, включая руководителей, стали объектом национальных репрессий.

После объявления на многочисленных партийных съездах финского языка языком «буржуазного национализма» и смещения финнов с руководящих постов в Карелии, в официальной национальной политике произошел разворот к карельскому языку. Проблемой оказалось большое разнообразие карельских диалектов и отсутствие единого литературного языка. Еще в 1930-х годах в Петрозаводске был создан

Карельский научно-исследовательский институт, в котором под руководством Дмитрия Бубриха началась работа по картированию карельских диалектов и созданию литературного языка. Литературный язык создавался на основе собственно карельского и ливвиковского диалектов с использованием кириллического алфавита. Он должен был заменить финский язык в качестве языка обучения в национальных школах. Создание и внедрение литературного языка на практике имело яркую политическую окраску, сопровождаясь принятием целого ряда поспешных решений, поэтому в 1939 году финский стал снова использоваться в качестве языка обучения в национальных школах. (См. Анттикоски 2000).

В Карело-Финской Советской Социалистической Республике (1940–1956), созданной после короткого, но разрушительного периода национальных репрессий против финнов (1937–1939), финский язык снова стал официальным языком, который начали преподавать как национальный язык. В результате войны в состав республики вошли территории, Приладожье и Сортавала, отошедшие СССР от Финляндии. Карельский перешеек с Выборгом был присоединен к Ленинградской области. Финляндских жителей переданных СССР территорий переселили в Финляндию, включая и 36000 карелоязычных (Hamunen 2013). Во время войны (1941–1944) часть Советской Карелии была оккупирована Финляндией. Советские финны были в основном эвакуированы с оккупированных территорий. Органы же финлянд-

ской военной администрации организовали школьное образование для карел на финском языке (Нууттиä 2008).

Карело-Финская Советская Социалистическая Республика (КФССР) была упразднена в связи с недостаточной численностью национального населения, а также потому, что внешняя политика Советского Союза уже не была ориентирована на включение Финляндии в его состав. Упразднение КФССР вкупе с реформой школьного образования в 1958 году привели к тому, что система образования на финском языке была окончательно разрушена. Обучение национальному языку в начальной школе, а также преподавание на финском языке в системе среднего и высшего образования было прекращено. Когда в 1963 году финский язык вновь стали преподавать в школах, это был уже не язык обучения, а один из учебных предметов (Vavulinskaja 2002). Тем не менее издание финноязычной периодики и литературы, а также другая культурная деятельность продолжались до периода перестройки в стандартных советских формах (Курки 2009).

В послевоенный период карельский язык был объектом исследования как в самой Карелии, так и за ее пределами, однако он никогда не преподавался в школах. Это, безусловно, способствовало ускорению ассимиляции карельского населения, и количество людей, зарегистрированных как карелы, быстро таяло одновременно с сокращением численности тех, кто говорил на карельском как на родном языке. Если по данным переписи населения в 1926 году 95 % карел считали

своим родным языком карельский и в 1959 году этот показатель составлял еще 80 %, то по данным последней переписи населения советского периода в 1989 году лишь 50 % карел считали карельский своим родным языком. В 1926 году в республике проживало более 100000 карел (то есть 37,4 % от общей численности населения), а в 1989 году их осталось менее 79000, то есть около 10 % от общей численности населения. В постсоветское время численность карельского населения стала сокращаться еще быстрее, и в 2010 году карел было зарегистрировано чуть более 45 000 (7,4 % от общей численности населения республики) (Тебенко 2010).

Период *национального пробуждения* во время перестройки в 1980–1990 годы стал важным этапом для коренных национальностей Карелии – карел, финнов и вепсов. Финноязычная интеллигенция (по происхождению финская, карельская и вепсская), сформировавшаяся в результате финской карелизации и создания финноязычной национальной культуры, сыграла главную роль в зарождении и развитии национальных движений в Карелии (Klementjev 1996; Liikanen 1996, 2001). Газеты и журналы превратились в арену оживленной дискуссии на национальные темы. Ранее замалчиваемые и вычеркнутые из публичной памяти репрессии и страдания финнов-ингерманландцев, эмигрантов из Америки и других групп финнов получили широкое освещение. Также велась дискуссия о необходимости возрождения карельского языка.

Вдобавок к существующим уже с 1920-х годов финноязычным СМИ (газетам, журналам, радио и телевидению) в 1990 году в Петрозаводске была создана газета на карельском языке «Оша шиа», а в 1993 году – «Kodima» на венгерском языке. Сфера культуры на национальных языках стала более разнообразной: например, в настоящее время по-прежнему работает Национальный театр Карелии, в котором идут спектакли на русском, финском и карельском языках. В 2011 году острый кризис затронул и Национальный театр, однако, к счастью, Министерство культуры РК приняло решение продолжить работу театра, которая ведется без перерыва с 1959 года в построенном для него здании. Большую роль играют также музыкальная деятельность, о которой более подробно рассказывает в своей статье Пекка Суутари, а также любительский кукольный театр, работе которого посвящена статья Ильи Мошникова. В 1990-е годы обучение национальным языкам (финскому и карельскому) было расширено, однако затем количество школ с их преподаванием существенно сократилось. Этой теме посвящена статья Ольги Давыдовой-Менге.

Несмотря на все принятые меры, численность людей, говорящих на карельском языке, продолжает сокращаться даже более быстрыми темпами, нежели ранее. Единственные группы, ведущие обучение на карельском языке по методике «языковых гнезд», в Калевале были вынужденно упразднены под давлением органов власти примерно в 2010 году, и на

практике рост численности карелоязычной молодежи прекратился, несмотря на усилия некоторых немногочисленных семей. На практике статус карельского языка среди населения является очень низким, и современная политика России, подчеркивающая российский патриотизм, делает публичные проявления карельской идентичности весьма затруднительными. По данным переписи населения 2010 года 27 % людей, идентифицирующих себя как карелы, владеет карельским языком. По оценке отчета по международному исследовательскому проекту «Eldia» (2012), посвященному ливвиковскому диалекту карельского языка, уровень владения населением карельским языком значительно варьируется, и в целом карельский язык в Республике Карелия находится под серьезной угрозой исчезновения (то же самое наблюдается и в Финляндии). С другой стороны, отчет «Eldia» напоминает о том, что без поддержки, которую Республика Карелия оказывает системе обучения языку и институтам культуры, исчезновение карельского языка могло бы иметь еще более быстрый и разрушительный характер, как это произошло на другой крупной карелоязычной территории – в Тверской области, где еще в 1920-е годы проживало почти 150 000 человек, говорящих по-карельски.

Заккрытие «Молодой Карелии»

В современной российской политике Республика Карелия занимает особое место. За пределами крупных мегаполисов Москвы и Санкт-Петербурга, ни в одном из других регионов страны, правящая партия «Единая Россия» не имеет таких слабых позиций, как в Карелии. Напряженность была вызвана также и избранием в 2013 году представителя оппозиции Галины Ширшиной мэром г. Петрозаводска – правда, ей пришлось покинуть свой пост уже через два года. Помимо оппозиции, еще более пристальное внимание уделяется контролю за настроениями граждан. В судебных инстанциях рассматривались дела о выступлениях с критикой в адрес российской политики. Кроме того, органы государственной власти легко вмешиваются в деятельность общественных организаций. С точки зрения центральной власти, у Карелии слишком тесные контакты с Финляндией, близость к которой связывают с более либеральными политическими настроениями граждан Карелии в сравнении с другими регионами России.

Весной 2015 года в прессе России и даже Финляндии разгорелся скандал в связи с тем, что Николай Патрушев, избранный руководителем группы подготовки к празднованию 100-летия Республики Карелия и возглавлявший одно время ФСБ, в своем выступлении предостерег от активного влия-

ния финских националистов в Карелии. По его мнению, в деятельности российских общественных организаций четко прослеживаются признаки попыток иностранного влияния на внутреннюю политику России.

В прессе эти слова были восприняты с удивлением, поскольку ни одна из известных организаций не соответствовала признакам отмеченной угрозы. Несмотря на это, вскоре крупная молодежная организация «Молодая Карелия» была обвинена в том, что она выполняет функции «иностранного агента». Такое обвинение может быть предъявлено организации, деятельность которой носит политический характер и использует иностранное финансирование. В рамках судебного процесса, последовавшего за обвинением, «Молодая Карелия» была признана иностранным агентом в связи с тем, что она, с одной стороны, приняла в Петрозаводске делегацию молодежной организации партии Истинных финнов из Финляндии и, с другой стороны, получила финансирование для реализации проекта со стороны ООН.

«Молодая Карелия» обжаловала судебное решение, и даже Глава Республики Карелия Александр Худилайнен заступился за нее: «Я очень хорошо знаю руководство этой организации. Сейчас мы постараемся разобраться со статусом „иностранного агента“ и доказать, что для этого нет оснований. Я отношусь к „Молодой Карелии“ очень положительно. Она оказывает поддержку карельской культуре, традициям и языку» (Ahonen 2015). Несмотря на это, «Молодая Карелия»

проиграла судебное дело и приняла решение о своем закрытии. При этом крупных штрафов удалось избежать, и уже в январе 2016 года несколько бывших активистов «Молодой Карелии» встретились для того, чтобы основать новую молодежную организацию – Центр поддержки коренных народов и общественной дипломатии «Молодая Карелия», председателем которого был избран Алексей Цыкарев.

Всемирный конгресс финно-угорских народов в Лахти, состоявшийся летом 2016 года, также был омрачен противодействием со стороны органов власти России. Например, министр культуры РФ Владимир Мединский обвинял конгрессы финноугорских народов в том, что они представляют угрозу для внутреннего порядка России.

Национальности в России в процессе перемен

«Молодая Карелия» была объявлена иностранным агентом, однако имидж этой организации как уважаемого деятеля гражданского общества сохранился. На всех официальных праздниках в Республике Карелия всегда заметно присутствует карельская символика. В столице Республики Карелия Петрозаводске курсы карельского языка пользуются большой популярностью. Показатели владения карельским как родным постепенно снижаются. Эти явления отражают современные этнические процессы и шире – то, как меняется роль этничности и национальности в российском обществе. Эти процессы являются многоуровневыми и в то же время противоречивыми, однако для них характерно то, что государство и его официальные органы стремятся контролировать национально-этнические процессы и определять направления их развития.

В 2010-х годах Россия развивалась по все более авторитарному типу управления (Никипорец-Такигава, Пайн 2016). Кульминацией этих тенденций можно считать присоединение Крыма в марте 2014 года к России и возникшую вследствие этого национальную эйфорию по поводу возвращения России ее былой мощи. Последовавшие за присоединением Крыма двусторонние экономические санкции

и рецессия российской экономики в 2015–2016 годах постепенно убавили этот эмоциональный настрой, но антизападная пропаганда, развернутая контролирующими государством СМИ, остается одним из краеугольных камней современной российской национальной идеологии. В антизападной риторике наблюдается стремление отмежеваться от Запада и подвергнуть сомнению его либеральные ценности (Cottiero et al. 2015). Идеология и практика мультикультурализма, сохранение миноритарных языков и культур меньшинств интерпретируются как инструменты политического влияния Запада тогда, когда они рассматриваются в качестве возможной угрозы единству и стабильности России (напр., Посадский 2015).

Большинство населения России начало воспринимать присоединение Крыма как вполне естественное событие, поскольку среди инструментов пропаганды в СМИ существенную роль начала играть особая идеологическая концепция – Русский мир. В соответствии с ней Россия является центром простирающейся за пределы ее географических границ русской цивилизации и на основании этого имеет право и обязана защищать и укреплять ее и за пределами страны. Понятие «русскости» трактуется широко и включает русский язык, русскую культуру, православные и консервативные ценности, происхождение людей из России или от русских родителей и даже из числа «традиционных народов»

России (Davydova-Minguet 2014). На уровне идеи Россия с ее Русским миром является продолжением Советского Союза, поскольку она представляется образованием, простирающимся за пределы существующих границ, а ее русские (этнические) жители называются «государствообразующей нацией». Консервативные, антилиберальные ценности представляются как идейная основа единства этого «воображаемого сообщества». Современный российский государственный национализм имеет ярко выраженный империалистический характер (Grigas 2016).

Такого рода представление о России оправдывает прежде всего ее внешнеполитические действия последних лет, но также и видение других народов как подчиненных и ведомых. События на Украине и их интерпретация в прогосударственных СМИ усилили антизападные и антилиберальные настроения в России (см. Левада 2015, 245–250). Страны Запада и Европейский Союз предстают как стороны, несущие в Россию чуждые ценности и угрожающие ей, вынуждая ее в этих условиях защищаться. В 2012 году был принят закон, согласно которому общественные организации, получающие финансирование из-за рубежа, обязаны регистрироваться в качестве иностранных агентов, что основано на предположении о том, что иностранное финансирование ставит своей целью ослабление России и противоречит ее национальным интересам. Иностранцами агентами объявляются такие организации, деятельность которых способствует про-

ведению честных выборов, развитию свободы слова, противодействию тоталитаризму и укреплению прав меньшинств. Таким образом, меньшинства рассматриваются как возможный плацдарм для культивирования иностранных влияний, что пытаются ограничить всеми возможными способами.

Стремление к деполитизации этничности

Политизация национальности и этничности и создание на их базе организационных основ гражданского общества наблюдались во время перестройки, а также в период, следовавший за перестройкой и распадом Советского Союза, и в 1990-х годах этничность получила прочные позиции в законодательстве и системе управления России. Тем не менее предпринимались попытки контролирования этничности посредством различных программ развития и форм финансирования, а также изменений в системе образования. Одной из вех на пути ограничения этничности можно считать требование о переходе в России на кириллицу как единую графическую основу для национальных языков регионов. Осенью 2012 года Министерство юстиции РФ приняло решение о приостановке деятельности общероссийской организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (The Russian Association of Indigenous Peoples of the North), представлявшей интересы коренных народов 41-го арктического региона. В присоединенном к России Крыму в апреле 2016 года была однозначно запрещена деятельность «Общественного совета крымско-татарского народа» (меджлиса). Во многих национальных группах населения орга-

ны власти создают свои конкурирующие организации, которые порождают конфликты внутри миноритарных групп (по принципу «разделяй и властвуй»). Так, например, Россия внесла предложение о создании новой организации финно-угорских народов, наряду с Консультативным комитетом, существующим и организующим Всемирные конгрессы с 1992 года.

Канадская исследовательница Элеанор Пирс (Peers 2015) изучила процесс формирования идентичности в Республике Саха. По ее мнению, в Советском Союзе этничность (национальность) была позитивной социальной и моральной категорией. Элита национальных регионов считала деятельность по поддержке национального правильной, и по-прежнему культивирование этничности считается важным, так как она слита со структурой чувств человека. В настоящее время действия России и политика президента Путина находят широкую поддержку также и со стороны граждан, говорящих на миноритарных языках, поскольку общественный климат поощряет эмоциональное единство и защищает ценности, сохраняющие общество. Культурные репрезентации этничности широко одобряются именно благодаря их кажущейся политической нейтральности и огромному эмоциональному заряду. Одновременно с деполитизацией этничность подвергается также поверхностной культурализации, что означает ограничение выражения идентичности до формы безобидной, но в то же время яркой культурной программы и предот-

вращение попыток защиты прав меньшинств. Перформативность может привлечь внимание к меньшинству также и в рамках стимулирования развития туризма, но при этом она не обязательно отражает собственные потребности и стремление к возрождению языка миноритарной группы населения.

Шенер Актюрк (Aktürk 2012) отмечает, что в постсоветской России произошел поворот от мультиэтничного режима управления этничностью к антиэтническому. По сравнению с советским периодом, когда национальность регистрировалась во внутренних паспортах граждан и на базе национальности была создана система для демонстрации и поддержки (или ограничения) национальностей, в современной России национальность не заносится в документы, удостоверяющие личность граждан и, таким образом, не является основой для дискриминации ни в положительном, ни в отрицательном смысле. С другой стороны, по мнению Ильи Кукулина (2013), понимание этничности за постсоветский период трансформировалось из расово-биологического явления советского времени в культурный феномен. Несмотря на то, что национальность не указывается в документах, ее культурная репрезентация (например, во время праздников) по-прежнему пользуется поддержкой. Также, например, и во время переписи населения людей просят назвать свою национальность. На уровне массовых представлений сохранилось советское, биологическое понимание национальности.

Влиятельный академик Валерий Тишков в своих работах, написанных в 1990-е годы, призывал граждан России «забыть о нации», то есть оставить советскую концепцию нации с ее биологическими обоснованиями в прошлом, и начать создавать гражданское общество и гражданскую нацию (Тишков 1998). Парадоксальным образом нацию современной России, по крайней мере в официальных документах, называют «гражданской нацией», хотя это и понимается как сплоченность вокруг правящих кругов страны. В то же время сложно полностью согласиться с тем, что биологический фактор отошел в России на задний план, поскольку в течение XXI века и особенно в 2010-х годах тело человека, пол и семья все в большей мере становятся объектами эссенциализации и натурализации в государственной политике и общественных дискуссиях. Это явление получило название «неоконсервативного поворота» в России: в официальных высказываниях со стороны государства Россию односторонне представляют как «традиционную страну», которая чтит православные религиозные традиции и диктуемые ими нормы семейного, мужского и женского поведения. Биологическое понимание этничности соответствует этой линии, поскольку однозначная этническая принадлежность воспринимается естественной и морально оправданной.

В России понятие этничности и национальности по-прежнему является важным инструментом формирования нации. В советское время проводилась регистрация биологической

этничности/национальности и на ее основе – административно-территориальное деление и установление иерархии этничностей при одновременном формировании единства страны с помощью идеологемы советского народа. Представлявшие разные национальности люди и регионы рассматривались как неотъемлемая часть единого целого. После распада Советского Союза в государственной идеологии статус советского народа был передан сначала в 1990-е годы россиянам, затем русским и позже уступил место более широкой концепции Русского мира, в основе которой лежит не биологический принцип, а набор ценностей, опирающихся на новую интерпретацию истории. В то же время официальная Россия делает попытки включить в свои высказывания по вопросу национальности как риторику российского национализма, так и ностальгию левых по советским временам при том, что государство всячески предотвращает попытки политизации национальности и этничности (Никипорец-Такигава, Пайн 2016).

Поддержка этничности обусловлена и еще одной причиной – переходом страны к капиталистической системе экономики, в рамках которой этничность становится экономическим ресурсом и товаром. Этничность нужна для того, чтобы создавать различие, и не столько между людьми, сколько между формами культуры для усиления самобытности культурной репрезентации регионов. В современной России этничность требуется для создания брендов разных регионов и

развития туристической индустрии. Это становится еще более важным сейчас, когда государство стремится ограничить контакты своих граждан с зарубежными странами и направить потоки туристов внутрь страны. Этничность в качестве двигателя развития экономики представляет собой новое явление, которое ожидает специального изучения, но на которое уже ссылаются авторы статей настоящей книги.

Перемены на арене этничности связаны также с «миграционной революцией», которую переживает Россия в XXI веке и которая означает не только более оживленное перемещение жителей внутри страны, но и этническую, прежде всего трудовую миграцию на территорию России из бывших республик Советского Союза. Для российской экономики, рост которой продолжался до 2014 года, было выгодно использовать дешевый труд мигрантов, и в это же время органы власти постоянно стремились к ужесточению системы управления и контроля миграционных потоков. С другой стороны, общественная дискуссия, развернувшаяся в контролируемых государством СМИ, носит однобокий характер и рассматривает трудовую миграцию главным образом как угрозу с точки зрения культуры, экономики и здравоохранения. В дискуссиях и деятельности, связанных с миграцией, этничность расиализируется: приезжающих в Россию граждан бывших республик Советского Союза называют «черными», считают необразованными и стоящими на более низкой ступени по сравнению с русскими. Этническая иерархия

усугубилась по сравнению с советскими временами, и ксенофобия превратилась в доминирующий дискурс, посредством которого проговариваются вопросы миграции (Лярюэль 2014, Пайн 2014).

В России этничность является сложным и многоплановым явлением, за формы существования, контроль и направления развития которого постоянно ведется борьба на трех разных уровнях. Этничность – важный источник идентичности для многих людей в их личной жизни, на уровне гражданского общества она образует арену для различных действий, и, кроме того, ее стремится контролировать государство, которое считает этничность как ресурсом, так и потенциальным фактором опасности.

Самоценность идентичности

Вне зависимости от коммерциализации или разговоров о рыночной ценности тех или других феноменов, для развития регионов и повышения степени их привлекательности существенным фактором является ярко выраженная местная идентичность. Брендирование территории может усилить или по-новому показать среди специфических черт региона объекты, предлагаемые туристам, однако местную самобытность невозможно изобрести заново.

Стюарт Холл пишет о том, что идентичность основана на проведении различия с другими. В современном мире создание различия между культурами означает также множественность и фрагментированный характер идентичностей: идентичность всегда «больше, чем одна». По мнению Холла, идентичность не может быть единичной и полностью завершённой, речь идет скорее о сосуществующих множественных идентичностях, то есть о существующих одновременно группах и культурах, которые переплетаются и пересекаются между собой в культурном и символическом отношении (Hall 1996:116). Обычно миноритарные идентичности с точки зрения доминирующей культуры видятся как маргинальные, однако Холл, будучи темнокожим британцем, выходцем с Карибских островов, считал себя ярким представителем данного явления в наше время: именно множественная

идентичность точно описывает репрезентацию повседневного опыта периода модерна (Там же: 114). Взгляды Холла на повседневность этнического многообразия описывают ситуацию как мигрантов, так и коренных народов.

Статус народов и групп, говорящих на миноритарных языках, изменился. Региональные меньшинства, говорившие на одном языке, стали двуязычными, мультиэтническими и мультиидентичными. В то время как формы национальных традиций по-разному адаптировались к меняющимся условиям, в отношении статуса миноритарной культуры постоянно ведется борьба на микро- и макроуровнях. На практике давление в сторону однообразия и ассимиляция способствуют изменению ситуации в сфере культуры и препятствуют реализации преимуществ многоязычия и мультикультурности. Через внутрисемейное общение передается опыт поколений в наделении этничности значениями и определении ее границ. Одновременно формы проявления этничности варьируются по отношению к практикам окружающих групп и обществ. Традиции не представляются как таковые, напротив, являются репрезентациями миноритарной культуры на уровне индивидуума, группы и государства в новых ситуациях и контекстах. Поэтому важно анализировать культурные тексты и идентичности в их отношении к локальным контекстам: на основе каких потребностей рождаются культурные репрезентации? Кому предлагается культура на миноритарном языке? Как язык и культура вплетаются в выра-

жение многогранных идентичностей индивидуума? Какова роль общественных организаций и других игроков на поле этничности в создании традиций?

Вместе с тем чрезвычайно важно понимать, что идентичность ценна сама по себе, в особенности для самих жителей региона. Даже без учета инструментальной ценности знание миноритарных языков и идентификация с ними являются важными факторами, укрепляющими чувство собственного достоинства и самооценности. Знание языка и культуры несут информацию о корнях человека, месте его происхождения и формировании личности под влиянием языковых и культурных традиций ближайшего окружения. Это имеет значение для анализа преемственности поколений и места человека в этой цепи. Языковая компетентность является также частью развития человека и его отношений с природой, поскольку местные языки лучше всего описывают жизненный опыт и тесную связь с циклами и явлениями природы. Таким образом языковое и культурное многообразие становится обогащающим все человечество наследием, которое необходимо культивировать.

Авторы статей настоящей книги рассказывают о течении и результатах процесса формирования и трансмиссии культурных идентичностей в российской Карелии. Кроме того, в статьях рассматриваются пути развития и возможности укрепления языковой идентичности в городских условиях, а также уделяется внимание отношению к структурам обще-

ства и его проблематике.

Динамика развития культуры

Логика культурных изменений уже долгое время является объектом интереса ученых. Точно так же многогранность и ситуативность идентичности входят в число тем, хорошо знакомых исследователям культуры, по крайней мере, уже с 1990-х годов. Когда мы говорим о культурных традициях, речь идет не об останках умирающей культуры, а о ее трансформации в современных условиях. Авторы настоящей книги ставят своей целью изучение процесса адаптации миноритарных языков и культур ко все более узким доменам существования и того влияния, которое он оказывает на самовыражение и развитие этничностей малых народов.

Будущее миноритарных языков существенно зависит от отношения и поддержки окружающего общества. Представляющие национальную культуру традиционные языки Республики Карелия – карельский, финский и вепсский – передаются следующим поколениям уже не в семьях, а прежде всего в институционально оформленных формах – в школах, учреждениях культуры и СМИ. Многие поколения людей также и дома говорили и продолжают говорить на этих языках, однако необходимая в современном обществе лексика и многообразие языка не могут передаваться лишь в домашних условиях – развитие языковой компетентности требует и других каналов для того, чтобы соответствовать потребно-

стям пользователей языка. Именно этим потребностям отвечает преподавание карельского языка в Петрозаводском государственном университете, финноязычные спектакли Национального театра и преподаваемый в Консерватории вепсский музыкальный фольклор.

По мнению Фредерика Барта (Barth 1994: 20–22), в этничности можно выделить три уровня, на которых формируются идентичности. На микроуровне можно проанализировать опыт и социальные отношения индивидуумов, которые влияют на формирование идентичности человека в рамках разных событий и контактов с другими людьми. На мезоуровне осуществляется анализ гражданского общества, которое в рамках своей деятельности рождает представления о коллективах и общностях. На этом уровне функционально и с помощью средств риторики можно мобилизовать модели идентичности и направлять их развитие в нужную сторону. На макроуровне находится государственная политика – законодательство и его применение. Общественный контроль и ресурсы, распределяемые в соответствии с политическими целями, оказывают влияние на условия функционирования этнических культур, а также их ценности и идеологии.

В российской Карелии карельская этничность зачастую рассматривается как крестьянская культура, дающая жизненную силу деревне и выражающая непосредственную связь с природой. В настоящей книге мы анализируем этничность как часть городской жизни. Это позволяет также за-

глянуть и в будущее, поскольку жители городов играют решающую роль в формировании путей дальнейшего развития национальной культуры в Республике Карелия. Люди, участвующие в деятельности в сфере культуры, являются обычно высокообразованными людьми, и такое образование предоставляется в столице Карелии Петрозаводске. Поэтому для рассмотрения изменений и будущих направлений развития этничности следует обратить внимание на города.

Специфической чертой, отличающей Республику Карелия от других регионов России, является ее расположение на границе. Фактор влияния Финляндии – тема первой части настоящей книги, в которой проводится анализ ведущихся в Карелии дискуссий в отношении финской этничности, границы и проблематики приграничного региона. В советское время в Карелии финский язык был официальным языком, и он по-прежнему является важным языком для многих жителей республики не только с точки зрения культурного наследия, но также и трансграничных связей. В своей статье Ольга Давыдова-Менге анализирует статус финской культуры, особенно в сфере СМИ и образования. В Петрозаводске уже с 1920-х годов выпускается газета «Karjalan sanomat», название которой много раз менялось на протяжении десятилетий, а также журнал «Carelia» в бумажном формате. Кроме СМИ, настоящее бурление вызвал также вопрос о статусе финского языка в школах, поскольку объемы его преподавания на разных основаниях были сокращены и дальней-

шее использование финского языка не является гарантированным, даже несмотря на его прочную культурно-историческую базу в Карелии. По мнению местных финнов, с точки зрения культуры, финский язык по-прежнему играет более важную роль по сравнению с карельским языком, и этим частично объясняется желание использовать его и в дальнейшем на территории РК.

Екатерина Мельникова рассматривает местную идентичность Сортавальского района – «малую родину», – специфической чертой истории которого является его передача Советскому Союзу в результате Второй мировой войны. Все коренное население было эвакуировано отсюда в другие регионы Финляндии, и эта территория с высокоразвитой инфраструктурой была заселена тысячами выходцев из других республик и регионов Советского Союза. Мельникова анализирует проводившийся в Сортавале Песенный фестиваль 2012 года, который, с одной стороны, отразил потребность в поддержании хороших международных отношений с Финляндией, но, с другой стороны, показал существенную дистанцию между идентичностью карел, проживающих на территории Финляндии, и сегодняшних жителей Сортавалы.

Это различие в идентификации приграничных регионов Финляндии и России рассматривает также Юрий Шикалов. Объект его исследования – г. Выборг, расположенный на берегу Финского залива в северо-западной части Ленинградской области, также перешедший СССР в результате Второй

мировой войны. Еще в советские времена этот город пользовался популярностью у финских туристов, и в нем процветали также и связанные с туризмом побочные явления, в том числе фарцовка. После либерализации пограничного режима популярность Выборга среди финнов постоянно росла, однако в начале XXI века имидж города настолько пострадал в связи с мелкой преступностью, что финские туристические фирмы объявили ему бойкот. Позже история города получила новую интерпретацию, служащую больше для привлечения российских туристов, нежели позиционирования Выборга как финского средневекового города.

Общественный выбор

Во второй части книги этничность рассматривается на материале законодательства, соблюдаемого Республикой Карелия, а также государственного дискурса. По мнению Санны-Риикки Кнууттилы, законы России и Карелии действительно позволяют осуществление необходимых мер по ревитализации карельского языка, однако обязательные для соблюдения формулировки в них встречаются редко. То есть в принципе законы по сути своей носят положительный характер, предоставляя защиту миноритарным языкам, однако на практике они не исполняются. Поэтому карельский язык остается непрестижным, и на низовом уровне его ревитализация не удастся. Кнууттила проводила свои исследования прежде всего в маленькой деревне Коткозеро, расположенной в южной части Республики Карелия на расстоянии ста километров от Петрозаводска. После перестройки использование карельского языка среди жителей этой деревни в повседневной жизни значительно увеличилось, и, благодаря ряду активистов, на рубеже XX–XXI веков в деревне было организовано обучение языку в школе, вокальная группа и даже производство телевизионных программ, осуществляемое школьниками. Тем не менее ревитализация языка не превратилась в постоянную тенденцию – напротив, степень употребления карельского языка снизилась, как и в других

регионах Карелии.

Политика мультикультурализма в Республике Карелия претерпела явные изменения в 2000-х годах, особенно в связи с волнениями, имевшими место в 2006 году в Кондопоге. Изучив эти конфликты между переселенцами с Кавказа и местным населением, Тиина Соткасиира рассматривает в своей статье произведенные в административных органах РК интерпретации конфликта и роли этничности в нем. Управление культурным многообразием можно назвать «этнической инженерией», ставящей своей целью обеспечение мирной жизни в поликультурном обществе. В политике принимаются во внимание многие группы, что способствует созданию позитивного представления о возможности благоприятного развития, но, вместе с тем, основные акценты в национальной политике сместились от целей сохранения коренных языков и народов Карелии к целям обеспечения возможности мирного сосуществования всех народов и формирования идентичностей.

Стремление к развитию этничности и привлечению людей к участию в процессе

В изменившейся ситуации возникает необходимость в более подробном анализе значений этничности на низовом уровне. В третьей части книги рассматриваются семьи, культурная деятельность, а также репрезентации, передающиеся через воспитание. Юлия Литвин проводит анализ главным образом карельских семей в Петрозаводске. Она проинтервьюировала тридцать женщин разного возраста, имеющих карельские корни, и задала им вопрос о том, какое значение имеет для них карельский язык и карельская идентичность. В городских условиях культурная деятельность и образование играют большую роль, и, по мнению респондентов, карельская идентичность перешла в некое символическое состояние. С точки зрения ассимиляции, критический порог был достигнут еще в 1980-х годах, когда более половины карел уже не говорили по-карельски. Общение происходит теперь на русском языке, однако, несмотря на это, карельское происхождение и существование карельского языка сохраняют для респондентов важное значение.

Республика Карелия и приграничная территория. Территории, отошедшие от Финляндии к СССР в результате Второй мировой войны, обозначены пунктиром. Часть этих территорий входит в состав Республики Карелия, часть – в состав Ленинградской области

Илья Мошников пишет о карелоязычном народном театре кукол «Чичилиушку», основанном студентами и преподавателями карельского языка с целью расширить использование карельского языка в повседневной жизни активной молодежи за пределами учебных аудиторий, а также повысить престижность карельского языка среди карел. Для реализации этой второй цели театр кукол «Чичилиушку» неустанно выезжал на гастроли в карельские деревни и подготовил шесть новых спектаклей для карельской публики. Однако упомянутая первой цель оказалась слишком сложной для реализации: спонтанное использование карельского языка не удастся потому, что русский язык у всех участников является более сильным. Куклы действительно говорят по-карельски, но актерам, несмотря на их горячее желание, это не под силу. Сам И. Мошников на протяжении многих лет занимался в театре, поэтому его статья представляет большую ценность в связи с достоверным характером взятых им интервью.

Музыка на карельском языке сохраняла свой статус в течение всего процесса культурной модернизации, протекавшего в XX и XXI веках. Она исполнялась еще во времена Советского Союза, когда другие публичные формы использования карельского языка были очень незначительными, и в настоящее время на карельском языке по-прежнему поют многочисленные детские ансамбли и даже молодые исполнители рока и рэпа. В статье Пекки Суутари рассматриваются формы и ситуативные контексты исполнения, в которые уклады-

вается сегодня карельская музыка. Объектами исследования являются в особенности хоры и фолк-рок-группы, но наряду с ними также национальный ансамбль песни и танца Карелии «Кантеле» и кафедра музыки финно-угорских народов Петрозаводской государственной консерватории. Оказывается, эти группы, стили и деятельность которых столь различны, постоянно оказывают влияние друг на друга, а преподавание, с одной стороны, финно-угорских языков и, с другой стороны, фольклора формирует важные комбинации, которые сделали карельскую музыку популярной на местном уровне и способствовали ее успешному распространению за рубежом.

Метод сравнения Финляндии и Карелии используют Ольга Илюха и Юрий Шикалов, анализируя развлекательно-учебные детские книги «Финляндия Тату и Пату» и «Путешествие Тимы по родной Карелии. Наш озерный край». Обе книги созданы с одной целью, но с точки зрения стиля имеются различия. Финская книга про Тату и Пату наполнена ироничным юмором, тогда как путешествие Тимы намного серьезнее и патетичнее. Таким образом, патриотическое воспитание в разных странах имеет множество оттенков. В любом случае, идея о богатстве родного края и могучем наследии отцов является важной платформой в культурном воспитании детей, инкультурации. Через них новым поколениям прививается знание о многогранности родной страны и чувство долга по отношению к ее сохранению.

Литература

Анттикоски 1998 – Анттикоски Э. Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920-е – 1950-е годы / Под ред. Т. Вихавайнена, И. Такала. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1998. С. 207–222.

Кукулин 2013 – Кукулин И. Şener Aktürk. Regimes of Ethnicity and Nationhood in Germany, Russia and Turkey // Pro et Contra. 2013. № 5(60). С. 121–129.

Курки 2009 – Курки Т. Локальная, внелокальная или полилокальная литература? Финноязычная литература в Карелии во второй половине XX – начале XXI века // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века / Под ред. О. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 351–365.

Левада 2015 – Общественное мнение – 2015. URL: <http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/02/ОМ20151.pdf> (дата обращения: 15.03.2016)

Лярюэль 2014 – Лярюэль М. «Русский национализм» как область научных исследований // Pro et Contra. 2014. № 1–2(62). С. 54–73.

Никипорец-Такигава, Паин 2016 – Никипорец-Такигава

Г., Паин Э. Интернет и идеологические движения в России: Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Паин 2014 – Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra. 2014. № 1–2(62). С. 34–53.

Посадский 2015 – Посадский А. В. Созидание гражданской нации и вопросы преодоления мультикультурализма // Всемирный русский народный собор. <http://www.vrns.ru/experts/3521/#.V9jzLTXXpt9> (дата обращения: 14.12.2015)

Суутари 2009 – Суутари П. Музыка в жизни финских иммигрантов в Карелии // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века / Под ред. О. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 338–350.

Такала 1998 – Такала И. Финны-иммигранты // Финны в России: история, культура, судьбы / Под ред. Е. С. Киуру. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1998. С. 95–128.

Такала 2010 – Такала И. Финский язык в Карелии: история и судьба // Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / Под ред. Е. Клементьева. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 24–40.

Тебенко 2010 – Тебенко В. Исчезающая Карелия. Изменение численности карельского населения на тер-

ритории Карелии в XX веке // Альманах современной науки и образования. 2010. № 4(35). С. 47–50. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ischezayuschaya-kareliya-izmeneniechislennosti-karelskogo-naseleniya-na-territorii-karelii-v-hh-veke> (дата обращения: 14.03.2015)

Тишков 1998 – Тишков В. Забыть о нации (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

Юликангас 2009 – Юликангас М. Поэзия-утопия финской иммиграции в России. 1920–1930-е годы // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века / Под ред. О. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 184–207.

Ahonen 2015 – Ahonen A. «Terveh kuldaine». Ulkomaiseksi agentiksi julistettu järjestö opettaa lapsille karjalan kieltä Venäjällä. Petroskoilainen kulttuurijärjestö Nuori Karjala on Venäjän silmissä ulkomainen agentti // Helsingin Sanomat. 13.07.2015.

Ahonen 2016 – Ahonen A. «Terveh kuldaine». Venäjä kaventaa pääsyä Lahdessa järjestettävään suomalais-ugrilaisten kansojen maailmankongressiin. Maailmankongressi järjestetään joka tapauksessa, sanoo Suomi-Venäjä-seuran pääsihteeri // Helsingin Sanomat. 12.03.2016.

Aktürk 2012 – Aktürk S. Regimes of Ethnicity and Nationhood in Germany, Russia, and Turkey. Cambridge:

University Press Cambridge, 2012.

Barth 1994 – Barth F. Enduring and emerging issues in the analysis of ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Boundaries» / Ed. by H. Vermeulen, C. Govers. Amsterdam: Het Spinhuis, 1994.

Brown 2004 – Brown K. A biography of no place. From ethnic borderland to soviet heartland. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2004.

Cottiero et al. 2015 – Cottiero C., Kucharski K., Olimpieva E., Orttung R. War of words: the impact of Russian state television on the Russian internet // Nationalities Papers. 2015. Vol. 43. № 4. P. 533–555.

Davydova-Minguet 2014 – Davydova-Minguet O. Diaspora käytännön kategoriana // Idäntutkimus. 2014. № 4. S. 44–62.

Eldia 2013 – Отчет об окончательных результатах международного исследовательского проекта ELDIA (European Language Diversity for All) на русском языке. Сокращенная версия оригинального англоязычного отчета, написанного Йоханной Лааксо, Аннели Сархимаа, Сией Спильопулу-Окермарк и Рееттой Тойванен. Working papers in European Language Diversity 10. Mainz & al: Eldia. URL: <https://fedora.phaidra.univie.ac.at/fedora/get/o:376832/bdef:Content/get> (дата обращения: 15.06.2015)

Grigas 2016 – Grigas A. Beyond Crimea. The New Russian Empire. New Haven & London: Yale University Press, 2016.

Hall 1996 – Hall S. Minimal Selves // Black British Cultural

Studies. A Reader / Ed. by A. Baker Jr., M. Diawara, R. H. Lindeborg. University of Chicago Press, Chicago & London.

Hämynen 2013 – Hämynen T. Rajakarjalaisen kieliyhteisön rapautuminen ja karjalankielisten määrä Suomessa // Karjalakuva rakentamassa / Toim. Pekka Suutari. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2013. S. 182–213.

Hirsch 2005 – Hirsch F. Empire of nations. Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 2005.

Hyytiä 2008 – Hyytiä O. «Helmi Suomen maakuntien joukossa». Suomalainen Itä-Karjala 1941–1944. Helsinki: Edita, 2008.

Kangaspuro 2000 – Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000.

Klementjev 1996 – Klementjev Je. Kansalaisyhteiskunta ja kansalliset liikkeet // Matkalla kansalaisyhteiskuntaan? Liikettä ja liikkeitä Luoteis-Venäjällä / Toim. I. Liikanen ja P. Stranius. Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 1996. S. 43–48.

Liikanen 1996 – Liikanen I. Karjalan kansanrintama – kansalaistoimintaa vai politiikkaa? // Matkalla kansalaisyhteiskuntaan? Liikettä ja liikkeitä Luoteis-Venäjällä / Toim. I. Liikanen ja P. Stranius. Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 1996. S. 67–76.

Liikanen 2001 – Liikanen I. Educational and Political Capital

and the Breakthrough of Voluntary Assotiations in Russian Karelia // Education and Civic Culture in Post-Communist Countries / Ed. by S. Webber ja I. Liikanen. Basingstoke & New York: Palgrave.

Peers 2015 – Peers E. Cartoon epic heroes in indigenos Siberian revival // Anthropology today. Vol. 31. № 3, June 2015. P. 3–7.

Vavulinskaja 2002 – Vavulinskaja L. Suomalainen koulu Karjalan sodanjälkeisinä vuosina // Carelia. 2002. № 4. S. 127–130.

Этничность приграничных территорий Ольга Давыдова-Менге

Дискуссии о финскости и финском языке в Республике Карелия

Введение

В послесоветское время в Республике Карелия произошли серьезные изменения в понимании, организации и управлении этническим разнообразием. Например, «миграционная революция», то есть миграция людей с Кавказа и из Центральной Азии в центральные регионы России, изменила представления о «национальностях» Карелии и их взаимоотношениях (см. Ларюэль 2014; Пайн 2014; Соткасиира в данном издании). В свою очередь, миграция жителей Карелии в Финляндию включила Карелию в глобальные миграционные процессы, а также создала совершенно новые связи с Финляндией. Благодаря обширным экономическим, административным и прежде всего личным связям населения

республики с соседней страной Карелия является одним из самых «международных» регионов России. С другой стороны, распространение статуса «реэмигрантов» на ингерманландских финнов и потомков финляндских граждан значительно уменьшило население с финской национальностью в Карелии. По данным последней советской переписи населения в 1989 году их было около 18,4 тысяч человек, в соответствии с переписью 2010 года финнами себя считают 8577 человек, ингерманландскими финнами – 152 человека (Перепись 2010: 248–249).

Значительные изменения претерпел также статус финского языка и финскоязычной культуры. До 1991 года финский являлся вторым официальным, «национальным»¹ языком в Карельской Автономной Советской Социалистической Республике. Когда Республика Карелия должна была определить свой национальный язык в новом постсоветском за-

¹ В позднесоветской практике «национальность» понималась как этническое (биологическое) происхождение человека, передающееся по наследству от родителей. Национальность являлась основой социально-территориальной организации советского общества. Также понятие национальности включало в себя комплекс этнической культуры, институтов ее поддержки и воспроизводства. Национальности были привязаны к их территориальным образованиям и имели иерархическую структуру. Одновременно продвигалась идея надэтнической общности советских людей – советского народа. Накануне развала Советского Союза на разных уровнях государство поддерживало разнонаправленные дискурсы: об объединении национальностей и стирании различий между ними на общесоюзном уровне, на уровне национальных образований – о расцвете национальных культур и национальной личности. (См. Hirsch 2005; Slezkine 1994; Слезкин 2001; Портнов 2011).

конодательстве, в качестве такого выдвигался карельский язык. Поскольку на тот момент единого письменного карельского языка не существовало, республика осталась без национального языка. В настоящее время Карелия – единственное из 21 российских национальных образований, не имеющее официального национального языка. С другой стороны, в 2004 году был принят закон о поддержке карельского, вепсского и финского языков. (См. статью Кнууттила в данном издании.)

Помимо «национального лица» Карелии изменилась и экономическая основа общества. Карелия является частью российского и мирового капиталистического хозяйства. Многие изменения в сфере понимания и организации этнического разнообразия напрямую связаны с экономическими и социальными процессами, обусловленными включенностью России в мировую экономическую систему. Например, будучи частью российской системы образования, среднее и высшее образование республики участвует в реформах, являющихся частью Болонского процесса.

Несмотря на изменение статуса финского языка и национального состава населения, в Карелии продолжают функционировать институты «финскости»: система обучения финскому языку, включающая среднюю и высшую ступень, осуществляется издательская деятельность, делаются радио- и телепередачи, театральные постановки, на финском языке также записывается музыка. В этой статье я сосредоточусь на

осмыслении современной финскости в Республике Карелия, прежде всего системы обучения языку и прессы. Материалом статьи являются 17 интервью, которые я сделала в столице республики г. Петрозаводске весной – осенью 2013 года, а также газетные и интернет-материалы. Я интервьюировала государственных служащих, сотрудников сферы культуры, научных работников – тех, кто занимается «финскостью»² профессионально, и людей, считающих себя финнами. Я хотела выяснить, что и как говорят о финскости в Карелии в 2010-х годах, когда ее статус в качестве «национальной» культуры претерпел значительные изменения, и по некоторым оценкам (напр.: Такала 2010) она находится на грани исчезновения.

Финскость в Республике Карелия

Карелия – это единственный «национальный» субъект Российской Федерации, где в качестве национального языка с момента основания этой этно-территориальной единицы использовался язык, не являющийся языком коренного населения. Финский должен был служить письменным язы-

² В данном случае «финскость» является прямым переводом финского слова *suomalaisuus*, несущего в себе комплекс значений, сочетающих как объект идентификации (финское происхождение, язык, культура, ментальность и т. п.), так и процессы и институты, с ним связанные. В Финляндии (и за ее пределами) концепция финскости находится в постоянном движении и включает в себя как расширительное, так и более узкое, «традиционное» ее понимание.

ком для национального населения (карелов и вепсов, а также финнов-иммигрантов), а также быть языком национальной советской культуры. Поэтому, на мой взгляд, в Карелии можно говорить о собственной «финскости» и ее истории, а не только об истории финнов Карелии. История финнов в Карелии стала систематически изучаться в 1990-е годы, изучением финскости как культурного и социального явления занялись в 2000-е (напр.: Илюха 2009; Клементьев 2010; Suutari, Shikalov **2010**).

Как национально-административная единица Карельская трудовая коммуна была создана в Советской России в 1920 году, и одной из задач ее основания было создание альтернативы финляндскому капиталистическому обществу, с последующим присоединением Финляндии к Карелии. Карельская автономия была образована при активном участии эмигрантов из Финляндии, и в строительстве Советской Карелии финны, попавшие туда разными путями, принимали самое активное участие. В середине 1930-х годов в Карелии проживало около 15000 финнов, что составляло примерно 3 % населения (Takala 1998; 2010: 25, 28).

Политика коренизации в Карелии носила финский характер: в качестве литературной формы национального языка был принят финский язык, и обучение в национальных школах велось на финском языке³. (См.: Hirsch 2005;

³ Это связано и с тем, что карельские диалекты долго (в Советской Карелии вплоть до 1930-х годов) считались диалектами финского языка.

Kangaspuro 2000). Неоспоримыми достижениями этапа коренизации можно считать создание системы образования на финском языке с нижней до высшей ступени, а также институтов культуры (газеты и журналы на финском языке, театр, литература, музыка, изобразительное искусство и т. п.). Эта активная деятельность вовлекала и коренное карельское население, и актеры, писатели, музыканты-любители пополняли ряды профессиональных деятелей культуры, работавших на финском языке. За короткий период в Карелии сформировалась живая финскоязычная культурная жизнь. (Такала 2010: 28–37; Суутари 2009; Юликангас 2009). Как и повсюду в СССР, население «советизировалось» путем его «национализации»: люди становились сознательными представителями своей «национальности», учились действовать в соответствии и в рамках этого статуса (Brown 2004). Финскость Карелии имела коммунистическую окраску. Первый этап «финской коренизации» длился до 1938 года, когда многие финны Карелии, включая ее национальное руководство, стали объектом репрессий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.